

Среди журналов и газет

© 1993, От редакции

В Москве начал выходить новый журнал «Da Visu» под редакцией А. Галушкина и А. Розенштрама. В нулевом номере, появившемся в 1992 году, заявляется: «Мысль об издании историко-литературного библиографического журнала, посвященного русской литературе конца XIX – 30-х годов XX века, родилась лет пять тому назад и была высказана в одном из многочисленных телефонных разговоров, которые вели в те годы между собой теперешние редакторы «De Visu». За эти годы многое изменилось, но необходимость такого издания и сегодня кажется нам очевидной. Хронологические рамки ориентации журнала объясняются двумя причинами. Этот период (от зарождения символизма до эпохи социалистического реализма) является совершенно законченным и определенным. Не будем говорить о его исключительном многообразии и богатстве и т. д. Вторая причина – симпатии и привязанности как редакторов, так и авторов журнала, его друзей и единомышленников.

Нам кажется, что несмотря на большое количество книг, статей и публикаций, посвященных литературе этого периода, она изучена еще недостаточно. Огромный массив документов остается неопубликованным; многие «секретные» архивные фонды стали доступны лишь в последний год. Мы отдаем большую часть нашего журнала историко-литературным публикациям и статьям».

Журнал не чурается и републикаций (снабжая их научным комментарием). Первый номер и открывается рубрикой «Публикации и републикации», под которой помещаются статьи И. Эренбурга 1919 года.

«Вернувшись из эмиграции после Февральской революции, – пишет в предисловии к публикации Д. Фельдман, – бывший большевик Эренбург отнесся к политике РСДРП(б) резко отрицательно, октябрьский же переворот воспринял как катастрофу. Московские фельетоны Эренбурга в изданиях кадетской, меньшевистской и эсеровской ориентации («Возрождение», «Жизнь», «Новости дня», «Понедельник власти народа», «Труд») остро и зло высмеивали В. И. Ленина, А. В. Луначарского и других большевистских лидеров, которых автор знал лично по эмиграции».

«В сентябре мне пришлось бежать из Москвы, ибо большевики брали меня заложником», – сообщает Эренбург М. Волошину 30 октября 1918 года. Ему удалось добраться до Киева. Его антибольшевистские статьи постоянно публикуются в газете «Киевская жизнь». В номере этой газеты от 6(19) октября 1919 года Эренбург пишет в фельетоне «Исход»: «От большевизма мы ушли, мы из него вышли и никакая сила не заставит нас жить от декрета до декрета. Мы бежали не от голода, даже не от палачей из чека, а от прошлого ада, отработанного оброка». Но от большевизма приходилось уходить все дальше: Харьков, потом Ростов, Мариуполь, Керчь, Феодосия, дальше – Коктебель. Видимо, из Коктебеля Эренбург передавал свои статьи в Ростов-на-Дону в газету «Донская речь», издаваемую в ноябре-декабре 1919 года С. П. Черевковым и закрывшуюся с приходом красных.

«De Visu» печатает три фельетона И. Эренбурга, опубликованных в «Донской речи», – «Элегия палачей», «На пути в Дамаск» и «Тридцать серебряников», снабдив их основательными комментариями (Д. Фельдман).

А. Галушкин публикует большой материал к истории ареста и несостоявшейся высылки Е. И. Замятина в 1922 – 1923 годах. По мнению автора публикации, история организации и проведения высылки деятелей русской культуры, устроенной советской властью в 1922 году, еще не написана. Много в ней

еще не ясно: до сих пор не составлен полный список лиц, подвергшихся высылке, неизвестно точное число репрессированных.

«Белым пятном» остается, соответственно, и история ареста и несостоявшейся высылки Е. И. Замятина в 1922 – 1923 годах, – пишет А. Галушкин. Просмотрев критику о Замятине за первую половину 1922 года, можно определить, что поводом для занесения писателя в список кандидатов на высылку явились сказки «Арапы» и «Церковь Божия», написанные, очевидно, в 1919 году и опубликованные в феврале 1922 года в «Петербургском сборнике», изданном журналом «Летопись Дома литераторов» (сказки «Арапы» и «Церковь Божия» помещены на страницах «De Visu»). После выхода их началась планомерная травля писателя в печати (рецензия С. Городецкого, статья Я. Яковлева в «Правде» «Горбатого только могила исправит», выступления в печати П. Когана, А. Воронского, П. Лебедева-Полянского и др.). В ночь с 16 на 17 августа 1922 года Замятин был арестован.

В заключении Замятин пробыл немногим больше месяца, в 20-х числах сентября он вышел из тюрьмы. В хлопотах об его освобождении активное участие принимали Пильняк и Воронский.

На страницах журнала «De Visu» публикуется письмо Е. Замятина А. К. Воронскому, написанное писателем на следующий день после освобождения из тюрьмы. Публикуется оно по автографу, хранящемуся в Рукописном отделе ИМЛИ (некоторые зачеркнутые слова даны в квадратных скобках).

ЗАМЯТИН – ВОРОНСКОМУ

«Дорогой Воронский.

Вчера я вышел из тюрьмы – и, кажется, больше всего обязан этим той энергии, с какой вы орудовали в Москве. Спасибо Вам – этим Вы особенно много сделали для моей матери и жены. Мне-то сиделось не плохо – куда веселее, чем на той же Шпалерной в царские времена [когда я порядком испортил себе здоровье в настоящей строгой одиночке (не забавно ли? Тогда я был посажен – как большевик, а теперь – был посажен большевиками?) А главное – перед тем, как попасть за границу и по настоящему начать переваривать и все теперешнее выплескивать на бумагу (очевидно это будет), не поглядев] [кто, и как, и за что сидит теперь в тюрьме – было бы жалко] [новой русской тюрьмы – мне, писателю, было бы обидно]. Это я совершенно всерьез говорю.

Не знаю, удастся ли мне до отъезда попасть в Москву и увидеться с Вами. Но вот, что мне хочется сказать Вам, и П. С. Когану, и другим теперешним критикам (не забубённому Окуневу, не Сергею Городецкому-с этими, вчера голосившими «Боже царя», а нынче «Интернационал» – я просто и разговаривать не стану): надо бы Вам всем – полегче на поворотах. Вы пишете о «белых агитках-сказочках Замятина»; П. С. Коган – о том, что «Замятин явно хочет попасть к своим островитянам»; Садофьев – о Замятине как о «белогвардейском писателе», а в ГПУ – есть все же грамотные люди, и результаты – налицо. Для меня, повторяю, все это не очень страшно: я – человек крепкий, и мне слезть на время с корабля к <оторы>й все время качает, и посидеть на берегу [за границей]; серьезно поработать [за границей] – мне это, может быть, только на пользу. Но ведь вот уже из «Правды» палят по бывшей «Нов<ой> России», по Серап<ионовым> братьям, и [это может привести к] кто поручится, что для них такая критика тоже не кончится рейсом Гороховая – Шпалерная – Берлин? А людей помоложе, пожиже меня эта передряга может совсем расплющить.

Потом: пора бы уже вам, коммунистам, как следует научиться отличать белый цвет от другого. Белые – вовсе не те, кто видит [недостатки в происходящей жизни] ошибки во всем, что творится кругом, и имеет смелость говорить о них. И красные – вовсе не те, кто орет ура всему, что ни делается: военный коммунизм – ура! [НЭП] красные спекулянты и пролетарская буржуазия – ура!

Вот Вы назвали мои сказки – «белыми». А давайте поглядим: так ли это?

Я отлично помню день, когда я написал своих «Арапов» (году, кажется, в 19-м). Утром я прочитал «Правду»: на первой странице – список стольких-то расстрелянных, а на второй – статья, где автор лупит

по башке какой-то (уже не помню) буржуазный суд, приговоривший к смерти коммуниста. Ведь не станете же Вы спорить; ясно – это или глупость, или лицемерие. Классовая борьба – война; на войне – как на войне; и смешно [негодовать] [осуждать] [последними словами] материть врага за то, что он не подставляет покорно лоб. [Ни глупости, ни лицемерия я не выношу.] Такой уж у меня нрав, что молча пройти мимо глупости и лицемерия – я не могу. Я показывал пальцем на эти доблести в англичанах и в Царской России; я не перестал этого делать теперь. И Вы серьезно считаете, что это – белое?

Вероятно, никогда я не смогу спокойно <смотреть> и на смертную казнь. Я вовсе не такой уж вегетарианец; я понимаю убийство в бою, где человек [убивает, сам отдавая, рискуя быть убитым] покупает право убивать ценою своей жизни. Но вот что хотите – не могу принять убийство связанного человека [убийства – для меня безнравственного]. А главное – я убежден, что это не нужно и вредно для самой власти. Пусть это делают Балаховичи – но зачем это делает революция? Во взятой мною на улице проститутке – я не буду искать чистоты, но в женщине, к<отору>ю люблю, буду. [Это и есть то, что у меня в «Церкви Божией»]. Именно поэтому в «Церкви Божией» я говорю о казни резче, чем писал о ней раньше – в «Уездном», в «Островитянах» (этот вопрос мучил меня всегда). И это вы тоже считаете «белым»? И Вам всерьез кажется «красным» каннибальство Городецкого, когда он насаждает на Вс. Иванова: у этого злодея Иванова в рассказе бабы одинаково плачут над убитыми мужиками – все равно, красные или белые!..

Ну вот, это все Вам – на прощанье. Потому, что я все же, кажется, [буду отправлен] поеду за границу. Это и лучше: [оставаться сейчас здесь, при том отношении ко мне, к<оторо>е созд<алось>] при той травле по моему адресу, к<отора>я сейчас идет (и будет идти) – мне тяжело оставаться здесь, Вы это поймете. Нелегко мне будет и за границей – именно потому, что я не белый, но это уже по-другому и, думаю, легче. Если меня будут высылать куда-ниб<удь>] внутрь России или оставят в Петербурге (пока отобрана подписка о невыезде) – буду просить Вас помочь мне выбраться за границу – на время.

Искренне Вас уважающий, Евг. З.»

В нулевой номер журнала «De Visu» подготовлена большая публикация «Сборник контрреволюционных произведений» (авторы – А. Герасимова и И. Мальский). 10 и 14 декабря 1931 года в Ленинграде по подозрению в «организации и участии в антисоветской нелегальной группировке литераторов» была арестована группа писателей и издательских деятелей, среди которых, в частности, были Даниил Хармс, Александр Введенский, Игорь Бахтерев – участники литературного объединения «ОБЭРИУ», и Александр Туфанов, с которым обэриутов объединяло творческое сотрудничество. О существовании дела, заведенного тогда ОГПУ (оно получило название «О контрреволюционной группе детских писателей» и номер 4246 – 32), было известно давно. Однако недоступность архивов, в которых оно хранилось, а также недостаточность и разноречивость мемуарных свидетельств сделали вопрос о нем чрезвычайно темным, – пишут публикаторы. Только 21 августа 1991 года удалось ознакомиться с материалами дела. Оно состоит из трех томов. В первом томе – собственноручные документы, связанные со следствием. В третьем томе собраны заявления, справки, апелляции, связанные с попытками А. Туфанова снять с себя судимость.

Второй том содержит литературные материалы: несколько детских книжек Хармса и Введенского, упоминаемых в протоколах допросов как «вредные» и «антисоветские», а также «Сборник контрреволюционных произведений нелегальной антисоветской группы детских писателей. Выпуск 1-й».

«Сборник» представляет собой рукопись в 33 машинописных страницы и состоит из литературных произведений и фрагментов дневников писателей, проходивших по делу. По иронии судьбы, пишут публикаторы, это единственный «сборник» произведений обэриутов и близких к ним писателей, дошедший до нас: от настоящих сборников, – в которых наряду с обэриутами должны были участвовать филологи формальной школы, а также Л. И. Добычин, Н. С. Тихонов и другие, – остались лишь проекты в записных книжках Хармса и воспоминания современников.

«Сборник контрреволюционных произведений нелегальной антисоветской группы детских писателей» публикуется на страницах «De Visu» полностью.

Библиография – второе по значению направление деятельности нового журнала. Как заявляют редакторы журнала, возникла потребность в некоем путеводителе по книгам, журналам, газетам – в тематической аннотируемой библиографии, которая по возможности описывала бы все публикации, связанные с литературой 1890- 1930-х годов. Мы предполагаем взять на себя ведение этой библиографии и, начиная со второго полугодия сего года, систематически информировать о публикациях, посвященных литературе этого периода. «De Visu» – и название, и принцип нашего журнала. (На основе этих данных, дополненных ретроспективной росписью за 1985 – I полугодие 1992 года, мы предполагаем сформировать базу данных, которая охватила бы «перестроечные» и первые «постперестроечные» годы.)

В первом же номере представлена большая библиография (из 62 пунктов) А. Никитаева «Ничевоки: материалы к истории и библиографии». Как считает автор, ничевоки оставили достаточно заметный след в литературе XX века – прежде всего своими манифестами. Ввиду полного отсутствия какой-либо обзорной работы о группе ничевоков автор приводит краткую хронику ее деятельности. Собственно библиография представлена двумя разделами: I. «Публикация текстов» и II. «Литература о ничевоках».

Текущая библиография по русской литературе 1890- 1930-х годов – одно из основных направлений деятельности нового журнала. Для сквозного просмотра редакцией отобраны 40 журналов и 70 газет, причем только Москвы и Петербурга (для газет). Для нулевого номера выбраны два месяца второго полугодия 1992 года – июль и август.